

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

Е.В. Гулянков

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики журналистской работы
e-mail: boxpostal@yandex.ru*

Т.И. Гулянкова

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики журналистской работы
e-mail: bonpostal@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена анализу закономерностей употребления и выявлению синтагматических связей лексем группы «Человек» в русских и французских народных лирических песнях.

***Ключевые слова:** язык фольклора, лексема, ментальность, языковая картина мира.*

Стереотипы сознания, закодированные в структуре языка и проявляющиеся при его обыденном употреблении, наиболее ярко отражены в языке фольклора. Язык фольклора содержит важные свидетельства о человеке и этносе. Наиболее наглядными в определении национальной специфики языковой картины мира будут материалы, содержащие сопоставление результатов исследования нескольких языков. Нами опубликована серия статей, отражающих результаты подобных исследований [Гулянков 1999; Гулянков, Гулянкова 2015; Гулянков, Гулянкова 2017 и др.]. Интересна в этом плане и группа существительных «Человек».

Во многих подгруппах группы «Человек» количество лексем в русской и французской песне приблизительно одинаково. Качественный состав их также близок. Так, в подгруппе «Наименования по возрасту, полу» в текстах и русских (согласно исследованиям Н.И. Моргуновой [Моргунова 1996]), и французских песен по три лексем. Лидируют в них слова *девушка* 134 и *fille* 'девица' 51 (во французской песне в подобной функции названия героини чаще употребляется лексема *belle* 'красавица' 134, относящаяся к подгруппе «Внешние характеристики человека»). В подгруппе «Наименования по родственным и семейным отношениям» (8 лексем в русской песне высокочастотных слов и 7 – во

французской) в обеих песенных традициях лидируют лексемы *батюшка* 255 и *père* 'отец' 106, за ними следуют лексемы *матушка* 183 и *mère* 'мать' 77. Совпадают полностью 5 лексем. Лексемы *сестра* и *брат* и *fille* 'дочь' и *fils* 'сын' называют одни и те же концепты, но по отношению к разным персонажам. Лишь концепт, названный русской лексемой *свекор*, во французской песне нами не обнаружен.

Подгруппа "Наименования по иным отношениям" шире представлена во французской народной песне (4 : 2): две лексемы, называющие мужчину (*ami* 'друг', *amant* 'любовник, любимый'), по частотности опережают лексемы, называющие женщину (*mie* 'душенька, милая', *amie* 'подружка'). В русской песне первым в этой подгруппе также идет существительное *друг* (170 с/у). Второй по частотности лексемой данной русской подгруппы является *гость*. Во французском же языке это слово оказывается относительной лакуной. О причинах появления относительных лакун говорил Л.В. Щерба: «...Действительность воспринимается по-разному: отчасти в зависимости от реального использования этой действительности в каждом данном обществе, отчасти в зависимости от традиционных форм выражения данного языка» [Щерба 1958: 7]. Так, почти полное отсутствие французского аналога русской лексемы *гость* объясняется тем, что домашнее гостеприимство у французов не было развито так, как у русских; свою тягу к общению они удовлетворяли в кафе, тавернах, играющих огромную социальную роль в их жизни. Приглашение в гости, даже на торжество, было несвойственно французскому народу, а забежать к товарищу по дороге считалось и считается бестактным [Муравьев 1971: 34]. На Руси же гостеприимство имело давнюю традицию. Еще в поучении Владимира Мономаха (1117 г.) говорилось: «Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин или знатный» [Федорова, Сумникова 1969: 109]. Вероятно, исторически такое разное отношение к гостю объясняется различиями географического положения и территорией двух стран: на широких, не совсем освоенных пространствах России трудно было бы путнику в дороге без помощи людей, без временного пристанища (то же отношение к гостю и у многих народов Востока, где также есть бескрайние пустыни или степи, или Кавказа, населенного исторически множеством народностей, часто воинственных по отношению друг к другу, поэтому всякое перемещение требовало поддержки и помощи со стороны других людей, было жизненной необходимостью). В русском языке *гость* – популярный семантический стержень, образующий множество производных слов и фразеологизмов [Бобунова, Климас 2000: 8–12].

Во французском языке слово *hôte*, обозначающее и гостя, и хозяина (невозможное смешение для языка народа, принимающего гостей) – «голый» семантический стержень. Во французских народных песнях

лексема *hote* имеет 12 словоупотреблений, и в большинстве из них она называет хозяина. Всего одно словоупотребление имеет другая лексема с подобным значением – *bienvenu* ‘желанный гость’.

В русской песне лексема *гость* тесно связана с широко распространенной ситуацией пира, застолья в свадебных песнях:

А в Ягора а в Ыванавичя
Начивали варата растворя.
Нязначай *гости* уъехали на двор
Ох и млад Пархвин з баярими
Са друшком жа, сы дядькию,
С маладою вот свахаю (Хал., 304).

В песнях другого плана данная лексема также распространена:

Сястрицы падружуньки...
Папраситя в батюшки
Мине в *гостюшки* к сабе (Хал., 18).

Зафиксированы в списке ста высокочастотных лексем и существительные, называющие человека по сословному признаку: в русских песнях это *боярин* (50), во французских – *roi* ‘король’ (81) и *bergère* ‘пастушка’ (30).

Особенностью русской лексемы данной подгруппы является то, что она совершенно не несет сословной информации: название персонажа *боярином* – это способ возвеличивания гостя, жениха или друзей жениха, характерный для песен свадебного обряда.

Низнамаи гости взъехали,
Низнамаи нибувалаи
Микалаюшка са *баярами* (Хал., 225).

Обычно этому слову сопутствуют другие (*князь, господин, дворянин*), употребленные с той же целью:

Вы *баяря, дваряня,*
Ишшо я ни ваша (Хал., 372);
Сабяритися все *князи-баяри*
Паслужитя мне день да вечера (Хал., 150);
За тем за сталом *баяря,*
А за тем за сталом *гаспада;*
А примиш баяр деушка (Хал., 14).

Отсутствует прямое значение и у других зафиксированных в русской лирической песне лексем, называющих людей по сословному признаку: *царь, царица, царевна, король, королева, государь, государыня*. В большинстве своем они низкочастотны, даже единичны: *король* – 4 с/у в

двух песнях, *царица* – 1 с/у, *царевна* – 3 с/у в двух песнях. Тем не менее, функционирование их носит достаточно закрепленный характер. Так, лексемы *государь*, *государыня*, употребляющиеся наиболее часто из перечисленных лексем, в большинстве с/у зафиксированы в свадебных песнях и называют отца и мать, чаще всего используются в смежных строках в виде обращения:

Гасударь жа, мой батюшка!
Гасударыня матушка! (Хал., 301).

Слова *царевна*, *королевна*, своеобразно возвеличивая, называют девушку в песнях свадебного обряда.

Зафиксированные примеры употребления лексемы *король* никак не связаны со свадебным обрядом и относятся к “крещенским” или “купальским” песням:

Кароль па загарадью ходить
В скрипачку граить,
Девак выбирать.
Кароль, увьди у горад ! (Хал., 133) (“крещенская”);

Чом ни йдешь, чом ни йдешь ?	Аткутай варата
- Баимся, баимся.	Па самую виряю:
Каго ся, каго ся ?	Гости йдутъ,
- <i>Карая</i> , <i>карая</i> .	Гости йдутъ.
А нашага <i>карая</i>	Черт вам рад
Дома нима.	(“купальская”) (Хал., 136).
- Сын яго, сын яго	

Мы видим, что *король* – фигура не здешняя (уводит в *город*, город – чужой, иной мир), чужая, необычная. Возможно, использование здесь именно лексемы *король* (а не *господин*, *царь* или подоб.) связано с тем, что она не является “родной”, характерной для русской действительности.

Интересно использование и лексемы *царь* (4 с/у). В одном из четырех зафиксированных случаев лексема *царь* употребляется в прямом значении (это единственный случай, когда рассматриваемые лексемы имеют прямое сословное значение). Солдат-часовой обращается в песне к царю:

“Устань, устань, батюшка,	“Твая ярмия
“Устань, <i>праваславный сарь</i> ,	“Ана ятакovyна,
“Пасматри на ярмию,	“Бальна, низдаровыя
“Ах ды на ярмию;	(Хал., 358).

Две другие песни с использованием лексемы *царь* так же показательны. Это «постовые» песни, которые поются во время половодья. Вероятно, *царь*, *царица* в них символизируют времена года (их смену):

Царь едять па *царевну*,
Па маладу каралевну,
А царица письма пишеть,
Да назад атсылаить:

“Да ни едь, *царь*, за мною,
“Па маладу каралёвну:
“Я сама скоро буду,
“Летнию дабою (Хал., 112).

То же и в другой песне:
Ох и дай, Божа, дай замирення,
Што ба наши *царевы* замирились (Хал., 114).

Мы видим, что использование лексем – наименований по сословному признаку имеет яркие семантические и стилистические особенности. Так, возвеличивание гостя (в том числе жениха и его свиты) имеет свои “пределы”, своеобразную избирательность: его называют *князем*, *боярином*, *господином* – относительно близкими и понятными наименованиями, но не называют *королем*, *царем*. Королем не называют, видимо, потому, что это персонаж чужого мира (даже когда девушку в свадебных песнях сравнивают с *царевной*, *королевной*, она говорит: «Не царевна, не королевна, а Настасьюшка»). Царем же в русской лирической песне называют или самого царя, или то, что выше простого человека, – явления природы. В этом отражается, вероятно, отношение русского крестьянина к царю – далекому, высокому, недоступному.

Во французском народно-песенном фольклоре в числе высокочастотных имеются две лексемы, называющие человека по сословному признаку: *roi* ‘король’ и *bergère* ‘пастушка’. Лексема *roi* имеет высокую для французской песни частотность – 81. В отличие от русской песни, где все подобные лексемы (за одним исключением) не употребляются в прямом значении, лексема *roi* в абсолютном большинстве текстов сохраняет свое первичное, исконное значение. Однако король во французской народно-песенной лирике не далекая, эфемерная фигура, а реальный персонаж, зачастую конкретная историческая личность. Если в русских песнях цари являются действующими лицами в исторических песнях, но не в лирических, то особенностью французских песен можно считать то, что в них о высоких правителях рассказывается без пафоса и героики. Короли наделяются простыми человеческими качествами, повествование ведется не только об их подвигах, но и об их семье, любви; король вплетается в повествование о пастушке, то есть о королях можно рассказывать, как о простых людях, даже высмеивать их, хотя и называя при этом “господин король”. Отношение к королю как персонажу песни во многом зависит от типа песни: если это повествовательная жалобная песня, то чаще всего в ней рассказывается о смерти короля-воина, короля-героя, или изображается злой король, препятствующий влюбленным; если же это сатирическая, анекдотическая или любовная песня, то никто не

удивится, «видя в них королей, которые женятся на пастушках, или простых солдат, презирающих монархов» [Тьерсо 1975: 42].

Довольно часто во французской народной песне наблюдается «конкретизация» личности короля: героем песни становится *король Испании* (Dav., 44), *король Англии* (Dav., 56), *король Франции* (Dav., 11). Король во французской песне имеет имя: иногда это исторические личности – *король Анри-VI* (Dav., 129), *король Рено* (Dav., 1) или это некий *король Луи* (Dav., 6; Мор., 54), *король Дагобер* (Dav., 137). При этом прослеживается достаточно четкая связь имени и характера повествования или самого героя. Король с именем *Дагобер* может быть только комическим персонажем, очень уж неблагозвучно для короля его имя. И действительно, у этого короля кожа такая грязная, что она чернее, чем у ворона, а у его жены еще чернее, чем у самого короля. «Le bon roi Dagobert, avait sa culotte a l'envers» (Dav., 137) ‘добрый король Дагобер, у которого штаны надеты наизнанку’, на охоте он запыхавшийся, потому что заяц гонится за ним, сабля ему нужна из дерева, чтобы он не поранился и т.д.

Мы уже наблюдали во французской народно-песенной традиции подобную связь имени героя с его характеристиками: в песне-пародии о потерянной вещи, которую юноша должен вернуть красавице за поцелуй (любовь). Когда вместо юноши выступает ‘кум *Лустукрю*’, повествование приобретает шуточный характер. В подобном соотношении имени героя и его характера проявляется стремление французов к наилучшей, соответствующей форме для выражения содержания. «Форма – это еще одно ключевое слово для понимания французского менталитета. Для французов характерна любовь к форме в разных смыслах этого слова и в разных областях жизни – от кухни до политики» [Онхас 1992: 34]. По утверждению исследователей, многие жанры литературы, направления в живописи, стили архитектуры, философские идеи получили окончательное и совершенное оформление на французской почве, даже если они зародились не во Франции. С.Л. Онхас приводит высказывание нашего современника Дмитрия Савицкого, писателя и журналиста, длительное время живущего во Франции, который сравнивает в этом плане русских и французов: «Русский человек зачастую страдает слабым чувством формы: страна чудовищно огромна, за неделю не переедешь с запада на восток. У русского все где-то в мистическом *там*, в почти испанском *маньяна* “завтра”. У француза четко присутствует чувство именно формы. Он знает, садясь в свое потрепанное «Рено»: до океана, до Довиля – два с половиной часа дороги» [Онхас 1992: 35]. То же отмечает и И.М. Кобозева: «Очевидная семантическая доминанта СНХ [стереотип национального характера. – Е.Г.] француза – его сознательное и успешное стремление к красоте формы, будь то собственная внешность (элегантный) или же межличностные отношения (галантный). Обратной стороной медали

является вторая семантическая доминанта данного СНХ – отсутствие адекватного прекрасной форме содержания» [Кобозева 1995: 113].

Так же часто, как и король, действующим лицом во французской песне выступает его сын. Чаще всего сын короля фигурирует в контекстах, где он хочет соблазнить девушку (пастушку), то есть в пастурелях или песнях, обладающих элементами пастурели (Dav., 49, 59, 10, 45, 72 и т.д.). Мы рассматривали подобные тексты, анализируя глагол *garder* ‘охранять, стеречь’. Если сын короля обычно отрицательный персонаж («O fils du Roi, tu es méchant» (Dav., 59) ‘О сын короля, ты злой’; «Ah! maudit soit le fils d’un prince, le fils d’un roi!» (Dav., 10) ‘Ах! проклят будь сын принца, сын короля!’), то дочь короля – явно положительный образ. Она наделяется бесценными качествами: преданностью, верностью, гордостью, патриотизмом, она даже изображается святой: «C’est sainte Catherine, la fille d’un grand roi» (Dav., 26) ‘Это святая Катерина, дочь великого короля’.

<i>C’était la fille au roi françois</i>	‘Это дочь французского короля,
<i>Que l’on marie à un Anglois:</i>	которую выдают замуж за англичанина
“O mes chers frères, empechez	“О мои дорогие братья,
<i>De m’emmener!</i>	помешайте меня забрать!
<i>J’aimerais mieux soldat françois</i>	Я буду любить лучше
<i>Que roi anglois”</i>	французского солдата, чем
(Dav., 13)	английского короля”

По утверждению А. Давансона, чрезвычайно популярной, имеющей целый ряд вариантов, является французская народная песня «La Fille au roi Louis» ‘Дочь короля Луи’. Это жалобная песня о несчастных влюбленных, которые не могут соединиться. Дочь короля любит бедного красавца Деона, который не имеет ни гроша. Король не хочет отдавать ее за него замуж и заключает свою дочь в башню на семь лет. Через семь лет он навещает ее в замке и видит, что она по-прежнему любит Деона, хотя ее бок съеден червями и т.д. Деон посылает ей письмо, где просит притвориться мертвой (распространенный мотив соединения в смерти / после смерти). За воротами она «оживает», и королю ничего не остается, как поженить их. Так похороны переходят в свадьбу, священники, которые пели на похоронах, их женят. Примечательно жизнеутверждающее заключение, которое отражает оптимистический характер французского народа:

<i>Fillette qu’a envie d’aimer,</i>	‘Девушке, которая хочет
<i>Père ne l’en peut empêcher !</i>	любить, отец не сможет в этом
(Dav., 6)	помешать ’

Мы наблюдаем прекрасный образец французской народной любовной песни с характерными взаимоотношениями их героев: «Вот все они: влюбленные сеньоры, разукрашенные лентами пастушки, печальные принцессы и король, страшный легендарный король, приказам которого подчиняется все, кроме любви» [Тьерсо 1975: 42].

Список источников

Хал. – Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.

Dav. – Davenson Henri. Le livre des chansons. Paris, 1955. 588 с.

Библиографический список

Бобунова М.А., Климас И.С. Кто бывает гостем в русском фольклоре? // Юдинские чтения 2000. Фольклор и национальная культура. Ч.1. Курск, 2000. С. 8–12.

Гулянков Е.В. «Белый» и «blanc» в русской и французской песенной лирике // Лингвофольклористика: сб. науч. трудов. Курск: Изд. КГПУ, 1999. С. 22–29.

Гулянков Е.В., Гулянкова Т.И. Своеобразие употребления лексем *женить* и *marier* в русской и французской народно-песенной лирике // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2015. № 2 (34). Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/039-017.pdf> (дата обращения – 5.11.2017).

Гулянков Е.В., Гулянкова Т.И. Функционирование лексем *слеза* и *горе* в русской и французской народной лирической песне // Лингвофольклористика: сб. науч. трудов. Выпуск 25. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. С. 37–43.

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.

Моргунова Н.И. Лексика народной лирической песни Курской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1996. 233 с.

Муравьев В.Л. О языковых лакунах (на материале французского и русского языков) // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. С. 31–40.

Онхас С.Л. Французы: национальный характер, символы, язык // Иностранные языки в школе. 1992. № 2. С. 29–35.

Тьерсо Жюльен. История народной песни во Франции. М.: Современный композитор, 1975. 461 с.

Федорова М.Е., Сумникова Т.А. Хрестоматия по древнерусской литературе. М.: Выс. школа, 1969.

Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.:
Издательство ЛГУ, 1958.